

Глава 1

Она не помнила, откуда пришла. Море было похоже на огромную чашу, полную соленой влаги. Оно держало ее в ладони, и она мчалась вперед, испарывая черным плавником стальные волны. Она была одинока и свободна, как может быть только свободен дельфин в открытой воде. Там, далеко позади, где море с шумом вгрызалось в скалы, осталась земля. Там произошло что-то страшное, и ей было невыносимо об этом вспоминать. Далеко позади она оставила себя прежнюю, свое прошлое и тех, кто был ей близок. Внутри пылала темным огнем огромная язва, и она отгоняла от себя всякую мысль о случившемся, чтобы не растревожить опаленные края этой раны.

Кто она, куда она плывет, от кого бежит — все растворилось в страхе и отчаянии. Дельфин-афалина — редкий гость в суровых широтах — все быстрее взрезал округлым лбом волны. Она кружила между побережьем Англии и Норвегии, то возвращаясь к богатым сельдью отмелям, то уходя в пустынные воды Норвежского моря — к Оркнейским и Шетландским островам. Она металась в море, как мечется смертельно больной в постели.

Она просто неслась вперед — куда влекли ее теплые течения, словно русла подводных рек, куда указывали серебряные стрелы косяков сельди, куда вели ее птицы — небесные поводыри. Сама того не зная, она плыла на северо-восток, к берегам Норвегии. А море качало ее, укутывало покрывалом холодного шелка. Море выстилало путь белой пеной и гагачьим пухом.

Этот мир был нарисован серым. Тяжелые свинцовые тучи смыкались на горизонте с хмурыми волнами. Воды моря были щедры на рыбу. Когда инстинкты брали верх, она пробивала толщу вод и врзалась в стаи сайды и сельди. Наевшись, она парила в зеленоватой бездне и бросала в пространство переливчатый свист. За тысячи километров к ней приходил гулкий ответ — на другом конце Земли продолжали свое бесконечное путешествие ее сородичи — большие киты.

Она слышала, как поют другие дельфины, танцуя в соленой мгле. Слышала, как звенят косяки рыб на отмелях, резвясь в прогретой солнцем воде, чуяла, как скрежещут и лязгают неуклюжие корабли людей, как крадутся на глубине темные туши подводных лодок. Она была с морем один на один и постепенно язва памяти внутри нее зарастала, как затягивается илом на дне утонувшая лодка, как тонут в донных отложениях скелеты погибших людей — не пропадая, но исчезая из виду, чтобы через сто или тысячу лет волна выбросила их на берег.

Ночами она спала, выставив из воды тонко сопящее дыхальце. Луна, пробиваясь сквозь бегущие облака,

Печать Магуса

лила на воду свой жидкий свет, и тогда волны густели, словно на них опрокинули масло. В такие мгновения ее сон становился прозрачней хрусталя, и ей снилось, что из глубины поднимаются морские девы с зелеными волосами и глазами цвета перламутра.

«Останься с нами, — шептали они. — Твое место здесь. Здесь ты обретешь покой».

Но наступал день, и она продолжала свой путь. Ей не давала покоя смутная тревога. Ей чудилось, что за ней идет погоня, что ее прыжок в пропасть не всех обманул.

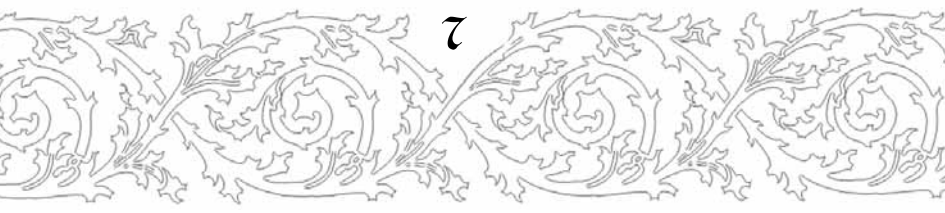
За три недели до Рождества она прошла мимо островов Ставангера и вошла в один из самых длинных норвежских фьордов — Люсефьорд.

...По пятам за ней двигалась злая буря, которая неслла над холодными волнами маленький клочок бумаги с пляшущими черными закорючками. Словно ребенок написал нестройный ряд каракуль и, шутя, подбросил в воздух.

* * *

— Тюлень! — Бьорн указал в сторону берега, откуда вливалась в морские воды река. — Не уплыли еще.

Этим декабрьским утром они поднялись очень рано. Когда выплыли на середину фьорда, солнце лишь успело выкрасить золотым кончики вершин плато Кьераг.

Солнце еще не опустило горячие руки в прохладную глубину ущелья, не разогнало туман, курящийся над изумрудной водой Люсефьорда и внизу, на дне километровой пропасти, царил полумрак, сквозь который скользила лодка, чуть слышно поскрипывая веслами в уключинах.

— Это не тюлень, — прищурился Арвет, опуская весла и замедляя ход. — Это дельфин. Разве они сюда заплывают?

— Сколько живу, ни разу не слышал. Может, заблудился?

Арвет пожал плечами. Он еще раз взглянул на загадочный плавник и положил весла. Вынул спиннинг и начал разматывать катушку.

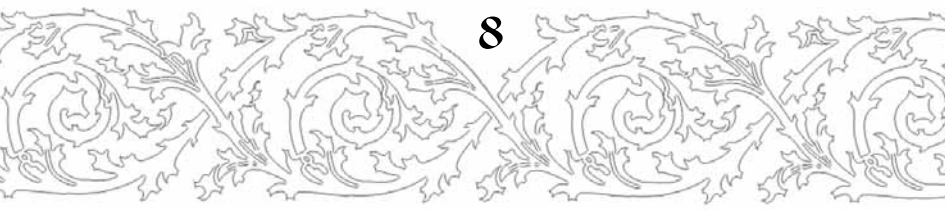
— Может, его винтом ранило, — сказал Бьорн. — Или он о сети порезался?

Арвет со свистом отправил тяжелую блесну в полет и раздробил гладь воды.

— Близко он нас все равно к себе не подпустит. Предлагаешь носиться за ним и уговаривать уплыть обратно, потому что здесь он замерзнет?

* * *

Через три часа они уже подходили к дому, оставив лодку возле причала. Улов был небогат: шесть небольших сайд и маленький морской ерш. Сайд поймал Арвет. А ерша добыл Бьорн.

Печать Магуса

— Я назову его Юргенс, — объявил он, поднимая полиэтиленовый пузырь с водой, в котором растопырился плавниками золотой ерш.

— А если это она?

Парень всмотрелся:

— Нет, Арви, это мужик. Ты видел, как он дрался? Всю ладонь расцарапал. Добро пожаловать в мой дом, Юргенс!

Бьорн распахнул дверь.

Арвет отнес удочки в сарай и тоже пошел в дом.

— Кристин, привет. — Арвет вошел на кухню. — Я возьму миску для рыбы?

— Это что, и весь улов? — махнула рукой бабушка Бьорна, отвлекаясь от телевизора. — Стоило морозить задницы, чтобы принести пять рыбешек.

— Еще мы поймали Юргенса, но его Бьорн есть не будет.

— Юргенса?

— Это морской ерш, — пояснил Арвет. — Они с Бьорном подружились. Сейчас он ему дом показывает.

— Кажется, мой внук отморозил себе еще и голову. — Кристин повернулась к телевизору. — Бери посуду и не забудь ее помыть.

Арвету Кристин нравилась. Невысокая, худая, как щепка, с коротким ежиком седых волос. У нее было вытянутое лицо, низкий голос и желтые прокуренные пальцы. Кристин курила крепкие дешевые сигареты,

любила детективные сериалы и перед обедом пропустила по стаканчику вина.

Арвет вернулся к сараю, к рыбагоделочной доске. Он чистил, резал, потрошил, а из головы все никак не шел тот черный плавник у самого берега. Это точно был не тюлень — уж их-то Арвет Андерсен повидал достаточно. Вот Эйфелевой башни не видел. Кремля и Красной площади не видел. Водопада Виктория тоже не наблюдал. Он даже дальше Тромсё¹ не выезжал. Поездка сюда, в поселок Люсеботн в Южной Норвегии, к бабушке Бьорна — его первое большое путешествие.

Зато он умел по крику узнать любую птицу побережья, поймать форель голыми руками в ледяной горной реке, набрать птичьих яиц в гнезде над пропастью — в общем, все, что умеет любой юный саам. Впрочем, Арвета нельзя было назвать юнцом. Крепкий, коренастый, прямые черные волосы, легкая индейская раскосость

¹ Тромсё — это город и коммуна в Норвегии, административный центр фюльке Тромс. Центр города находится на небольшом острове, почти на 400 км севернее Полярного круга. Здесь находятся самые северные в мире университет (Университет Тромсё), ботанический сад, пивоваренный завод, футбольный клуб и планетарий. Люди обитали в районе Тромсё со времен последнего оледенения. Во время Второй мировой войны в районе Тромсё укрывался знаменитый немецкий линкор Тирпиц — самый мощный линкор немецкого флота того времени. Там же он был и потоплен, при этом погибла почти тысяча немецких солдат. Также в Тромсё со времен освоения поморами Севера всегда было много русских. Одно время в этом регионе даже возник и развивался особый торговый язык руссено рск или «Моя-по-твоя» — смешанный русско-норвежский язык.

Печать Магуса

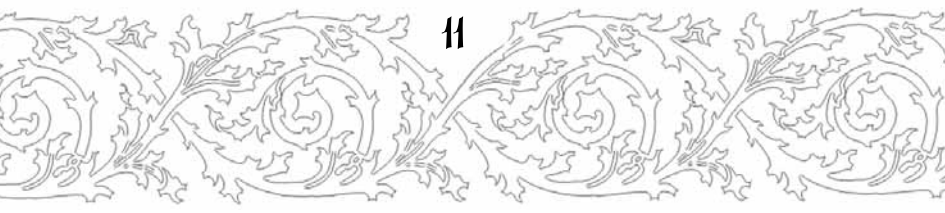
и серьезный взгляд. Он казался куда старше своих пятнадцати лет.

Бьорн Эгиль был совсем на него не похож. Высокий, полноватый, рыхлый. Растрепанные белые волосы, мягкие и мятые. Тонкая, как у девочки, белая кожа. Бьорн быстро краснел, быстро злился и быстро остывал. Они познакомились прошлым летом в лютеранском молодежном лагере. Бьорн, как и Арвет, был министрантом в кирке¹. Он мечтал стать пастором, жениться и завести кучу ребятишек. Арвет ему немного завидовал — сам он не мог так же четко и однозначно ответить, чего он хочет в жизни.

Он сполоснул руки, отнес миску на кухню. Кристин следила за утренней викториной и не заметила бы, что ее дом унесло ураганом куда-нибудь в Канзас. А Бьорн ушел наверх. Арвет заварил кофе, соорудил бутерброд с джемом и отправился на террасу завтракать на свежем воздухе.

Было тепло, целых плюс пять. В это время дома, в Финмарке, под минус тридцать. Дом бабушки Бьорна располагался на возвышении в глубине Люсеботена. Такие же аккуратные коттеджи из черных бревен были редко разбросаны по склонам, как игральные кубики великанов.

¹ Министрант — служба, кирка — церковь. Бьорн и Арвет состояли в союзе Лютеранской молодежи и помогали священнику при богослужении. Как правило, это первая ступень к тому, чтобы в будущем стать пастором.

«Что Люсеботн, что мой Бьеркен — и то, и другое редкое захоlustье, — подумал Арвет. — Три дома, почта, причал и кемпинг. А у нас и кемпинга нет».

— Вот ты где! — Бьорн выглянул на улицу. — И охота мерзнуть? Пойдем в дом.

Арвет покачал головой. Ему нравилось здесь, в тишине и холоде. Ну, то есть пока здесь была тишина. С приходом Бьорна разница между кухней, где гремел телевизор, и террасой исчезла.

— Я решил отпустить Юргенса. — Бьорн плюхнулся в кресло. — В конце концов, Господь сотворил его свободным. Ты куда?

— Пойду, погляжу, что за дельфин у вас завелся.

— Я с тобой! — Бьорн вскочил. — Как раз Юргенса выпущу.

Арвет только пожал плечами.

* * *

— Милый Юргенс, не поминай лихом. — Бьорн присел у берега и вылил пакет. Ерш плеснул хвостом, припал пузом к гальке и заелозил по дну. — Плодись и размножайся, Юргенс!

Люсеботн находился в самом конце фьорда, там, где прозрачная река впитывала в себя тысячи мелких ручейков и небольших водопадов, бегущих с плато Кьерга, и вливалась в морскую зелень фьорда.

Печать Магуса

С самолета Люсефьорд кажется узкой трещиной в земле. Но стоит спуститься на землю, встать на скалы, сложенные из зеленоватых и розовых гранитов, морщинистых от множества ручейков, и вы увидите, насколько фьорд громаден. Скалы вокруг него уходят вертикально вверх на тысячу метров, и на столько же в глубину. Узкий язык моря тянется в глубь земли на сорок километров.

Арвет смотрел на горы, обступившие широкое полотно воды, рассматривал сквозь лазурную синеву гальку и бурые нити водорослей у берега, провожал глазами чаек, круживших над причалом и опустевшим кемпингом, но нигде не замечал черного дельфиньего плавника.

— Уплыл. — Бьорн подобрал плоский камешек и запустил его вприпрыжку. — Как думаешь, куда?

— Туда, где нас нет. Бинобль бы...

— Дома есть. Раз, два... черт, всего пять раз. Арви, ты умеешь «печь блинчики»?

— Чего тут уметь?

— Не скажи! Это особое искусство, — вдохновился Бьорн. — В старину викинги именно так определяли будущего конунга — кто дальше всех метнет, тому и быть вождем.

— Тебе не пастором надо быть, а писателем. — Арвет после недолгого раздумья поднял неприметный округлый камень.

— Нет, этот не полетит. Слишком толстый, — запротестовал приятель. — А нужен тонкий и плоский. Ты что, не сечешь в викингax?

Арвет запустил «блинчик». Бьорн присвистнул:

— ...девять! Круть. Быть тебе конунгом!

— Спасибо, не надо. — Арвет прищурился. Кажется, что-то мелькнуло на той стороне фьорда, у входа в пещеру.

Чтобы добраться до пещеры, нужно раздобыть лодку. И куда-нибудь спрятать Бьорна. Хотелось одному прогуляться к этой пещере. Тихо, спокойно, без суеты. С Бьорном так не получится. Арвет гостил у его бабушки всего два дня, и уже начинал скучать по тишине. Он сам удивлялся, как они сошлись в лагере?

«Я же все-таки приехал к нему на адвент¹, — подумал Арвет. — И Бьорн хороший парень. Только немного шумный».

Бьорн молчал, засмотревшись на скалы, спрятавшие макушки в шапке густого тумана. В его светло-голубых глазах клубился такой же мечтательный туман.

Арвету стало стыдно.

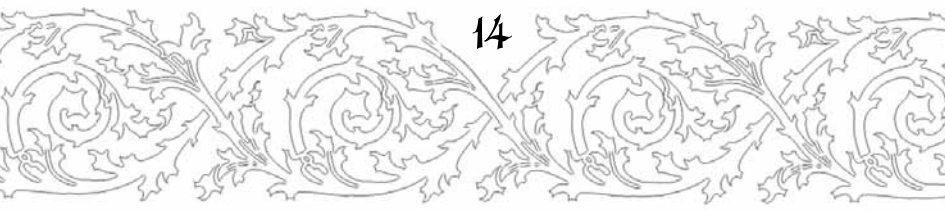
«Возьму его вечером с собой».

Бьорн скосил глаза и выдул столб пара:

— Я похож на дракона?

Арвет добрался до лодки лишь под вечер. Кристин отправилась навестить соседей, еще не уехавших на зиму в городок Сирдал за перевалом, а Бьорн с головой ушел в сети: насмерть бился с кем-то на форуме, об-

¹ Традиционные рождественские каникулы в Норвегии.

Печать Магуса

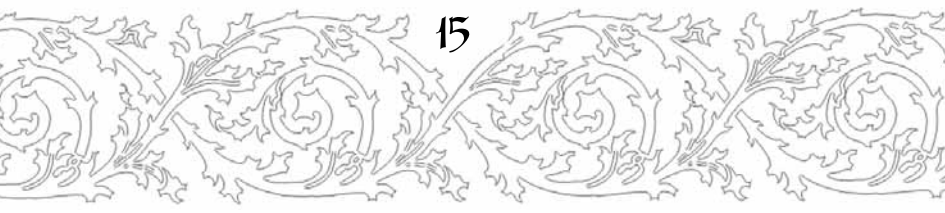
суждая особенности правления Харальда Прекрасноволосого¹.

«Может, взять его?» — Арвет задумался у двери Бьорновой комнаты и тут же отмел шальную мысль. Нет, Бьорн Эгиль отличный парень, добрый и умный, иногда даже слишком. Но вот незаметно подкрадываться к добыче он не умеет. А скажи ему об этом, ведь, чудак, обидится. Нет, лучше уж Арвет сам, как привык...

Он тихо спустился по лестнице, оделся и вышел на улицу. Ночь лежала на горах как уставший путник, а выше, над скалами, блестели искры на ее плаще. Поскрипывая свежим снегом, Арвет пошел вниз по дороге, к причалу.

Бьорн был правильным. Наверное, он даже игрушками и конфетами в детстве со всеми делился. Ему действительно нравилось встречать Рождество с родителями! Обычно к четырнадцати это начинает надоедать. А Бьорн с радостью поехал к бабушке в Люсеботн, да еще и Арвета зазвал. Родители Бьорна жили

¹ Харальд Прекрасноволосый, сын Хальвдана Чёрного, конунг Вестфольда, первый король Норвегии. Происходил из рода Инглингов и создал династию Хорфагеров, которая правила Норвегией до XIV века. Был мелким конунгом и, по легенде, до воцарения назывался Харальдом Косматым, так как поклялся не расчесывать волосы до тех пор, пока не объединит Норвегию. Но скорее всего так его прозвали многочисленные недоброжелатели. Умирая, он разделил королевство, а лучший удел отдал любимому сыну Эйрику Кровавой Секире (что довольно ясно характеризует наследника).

в Ставангере. Отец нефтяник, а про маму Арвет ничего не знал. Они приедут только через неделю, в канун Рождества. Это здорово. Жаль, что у него таких домашних праздников не бывает.

Причал был уже близко. В домиках, широко разбросанных по долине, горели окошки, но на дороге ему так никто и не встретился. Арвет миновал поворот к кемпингу — ворота его были закрыты, и в доме администрации светилось одно окошко. Там жил сторож Рейдар. Сезон закончился, туристы разъехались, со дня на день должны были закрыть дорогу на перевал, и в кемпинге Рейдар остался совсем один. Огромное богатство сосредоточилось в его руках: сотни колышков от палаток, десятки барбекюшниц, спальников, пластмассовых кресел и удочек в пункте проката.

Фонари на причале не горели. Арвет ступал осторожно — не хватало поскользнуться и полететь в воду. Под ногами захрустел ледок, когда он спустился к лодкам и отвязал одну из них. Сел, взялся за весла и несколькими мощными гребками отогнал лодку от берега.

Положил весла, пустил лодку по течению. Ему нужна была живая тишина воды, чтобы подумать.

...Папа развелся с мамой, когда ему было пять лет. Он переехал в Тромсё. Папа ловил сельдь и пропадал по шесть месяцев в море. В детстве Арвет ждал отца так, как умеют ждать только дети: терпеливо считая дни и наблюдая за погодой. Мама в шутку говорила, что отец приедет, когда ветер переменится. Ветер кружился, шел

Печать Магуса

с севера на юг, с востока на запад, возвращался обратно, а отца все не было. Потом он появлялся — большой, заросший бородой, в куртке, пропахшей солью и рыбой. Привозил сувениры из разных городов. Ерунду всякую: фигурки лососей, троллей, оленей, стеклянные шары со снегом... Болтал с мамой, гостил день и снова исчезал.

Арвет оставался с мамой — на берегу холодного моря, в маленьком прибрежном поселке Бьеркене. Бабушка Элва жила отдельно — к ней они ездили весной. Она жила в маленьком бревенчатом домике, похожем на домик троллей из детской книжки.

Арвет кормил хлебом с солью старых бабушкиных оленей — Ярви и Гамсуна, играл с лайкой Бирки и вороном Хекке. У бабушки вообще было много живности и всяких древностей — и старинные костюмы, и сани-кережка начала прошлого века — сани в форме лодки. На таких сейчас больше туристов катают. Но к Элве и свои заходили редко, не то что туристы. Люди относились к ней по-особому. Болтали, что Элва зналась с духами, что она была нойда — колдунья.

Больше родных у Арвета не было.

Он не жаловался на жизнь — она была обычной. Он привык.

Арвет повернулся лицом к выходу из фьорда, закрыл спиной свет от фонарей и пошевелил веслами. Лодка медленно двинулась вперед, и небо плавно потекло ему навстречу, рассыпая звезды на шелковистых волнах.

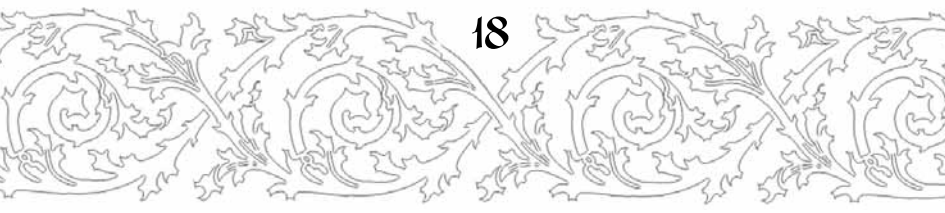
«Так странно, что и я, и Бьорн хотим стать пасторами, — подумал он. — Из Бьорна точно получится хороший священник. Он умеет ладить с людьми. Таких, как он, люди любят. А таких, как я...».

«Таких, как ты, Арвет, любят духи» — вспомнилась присказка бабушки Элвы.

В Бьеркене у него друзей не было. Он был слишком наособицу, сам по себе. Арвету нравилось одиночество, горы, море. И службы в их маленькой кирке. Иногда она казалась ему белым кораблем, который может унести его очень далеко — от этого свинцового моря, покатых гор и светлого неба. Но вместо того чтобы мечтать, как большинство его сверстников, о чудесной городской жизни, он твердо вознамерился стать священником и никуда не уезжать из родных краев. Странный он, Арвет.

Хотел стать пастором, а зубрил английский. Отец Олаф, их местный священник, не уставал повторять, — «второй язык, как вторая пара глаз — видишь в два раза больше». К словам отца Олафа Арвет прислушивался. Потому что Олаф Бергсен был единственным, кто слушал его, Арвета, размышления. Да и вообще просто слушал.

Арвет не заметил, как лодка тихо доплыла по светло-звездной дорожке до другого берега фьорда. Днище заскребло по песку, по бортам застучали ветки.

Печать Магуса

Вход в пещеру закрывала решетка. Бьорн рассказал, что ее поставили после того, как на одного из туристов свалился обломок скалы, и тут же выдал местную тайну: прутья не доходят до воды, и под решеткой можно легко пролезть. Арвет привязал лодку к решетке и достал светодиодный фонарик.

Синий рассеянный свет фонаря осветил прутья, замок и черную воду. Тишина. Ни всплеска, ни движения. Если он и здесь, то затаился.

«С чего вообще дельфину заплывать в пещеру? — подумал Арвет. — Что ему там делать?»

Арвет постоял немного, пожал плечами и повернулся к лодке. Здесь ловить нечего. Хорошо, что Бьорна не взял — вот бы тот сейчас веселился. Он потянулся, чтобы отвязать лодку, и услышал слабый стон.

Глава 2

Арвет замер. Это человеческий голос!

Звук повторился.

Он кинулся обратно.

— Эй!? — Арвет просунул руку между прутьев, попытался осветить пещеру, но слабый свет фонаря не добивал до ее конца. — Кто это? Вам нужна помощь?

Слабый, едва различимый шепот.

Луна плеснула серебряным плавником, выглянула в прореху туч, сетью стянувших небо. Она словно вылила в воздух разведенного на воде молока и вернула